

В. И. Кулешов

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КРИТИКИ **XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Допущено Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
и Министерством просвещения СССР
в качестве учебника
для студентов филологических специальностей
университетов и педагогических институтов

**Издание 3-е, исправленное
и дополненное**

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1984

ББК 83.3Р1
К90

Рецензент

Кафедра русской литературы МОПИ им. Н. К. Крупской
(зав. кафедрой докт. филол. наук, проф. В. Н. Аношкина)

Кулешов В. И.

К90 История русской критики XVIII — начала XX веков; Учеб.
для студентов филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов. — 3-е изд.,
испр. и доп. — М.: Просвещение, 1984. — 528 с.

В учебнике показано историческое развитие русской литературной критики в тесной связи с историей русской литературы XVIII — начала XX веков и русского освободительного движения. Разделы, дающие общую характеристику литературно-критической классики, сочетаются с монографическими главами, в которых показано становление профессиональной критики в России, а также освещаются литературно-критические выступления выдающихся русских писателей по вопросам литературы и искусства.

В настоящем издании учебника уточнены отдельные положения, расширена библиография, усовершенствован научный аппарат.

ББК 83.3Р1

К 4309020300—508 17—84
103(03)—84

© Издательство «Просвещение», 1984 г.

Для изучения истории русской критики необходимо определить специфическую особенность критики как одной из разновидностей литературной деятельности и как научной дисциплины.

Критика формировалась исторически, ее предпосылки возникли еще в античности (Платон, Аристотель, Гораций). Имелись они и в древней русской литературе, и в литературе XVIII века (Полочкий, Прокопович, Ломоносов). Если опереться на опыт наиболее зрелой стадии развития русской критики в XIX веке, то очевиден такой вывод: *критика — это способ истолкования и оценки художественных произведений в свете определенных концепций, теоретическое самосознание литературных направлений*¹, активное средство борьбы за утверждение их творческих принципов.

Литературное направление становится собственно направлением с того момента, когда оно сформулировало свою программу, объединило под своим знаменем значительные силы. До тех пор оно развивается стихийно.

У критики есть свои прямые связи с жизнью, общественной борьбой, разнообразными идеологическими течениями. Эти связи помогают критике судить о литературе в соответствии с логикой жизни, вырабатывать общественные критерии для оценки художественных произведений, разъяснять их смысл читателям. Но было бы неверно считать, что сопредельные идеологические течения, при всем их громадном значении, формируют литературные направления и их критику. Степень зависимости литературных направлений и критики от идейных течений бывает различная: у одних большая, у других меньшая, но в принципе литература и критика являются самостоятельными формами познания действительности. Художественная литература в ходе собственного исторического развития приобретает вид различных направлений. На определенной стадии эти направления вырабатывают свою теоретическую программу, т. е. критику. Таким образом, неверно было бы «выводить» критику из других идеологических течений и неверно оставлять художественные направления без их теоретического оружия, т. е. критики. Критика — важнейшая сторона литературных направлений, она придает им окончательную идеологическую оформленность и устойчивость.

¹ В основу определения мы кладем следующее положение Белинского: «...каждая эпоха русской литературы имела свое сознание о самой себе, выражавшееся в критике» (Белинский В. Г. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1976—1982, т. 7, с. 346. Далее все ссылки на тексты Белинского даем по этому изданию, кроме тех, которые приводятся по Полн. собр. соч.).

Взаимодействие критики и литературы следует рассматривать как динамически активное, диалектически обратимое, как процесс взаимного обогащения. «Искусство и литература идут об руку с критикой и оказывают взаимное действие друг на друга. Если новый гений открывает миру новую сферу в искусстве и оставляет за собою господствующую критику, нанося ей тем смертельный удар, то, в свою очередь, и движение мысли, совершающееся в критике, prepares новое искусство, опережая и убивая старое»¹.

У критики есть свои исторические традиции, преемственность в передаче «мыслительного материала», опыта выступлений перед читателем. История критики изучается специальной научной дисциплиной под тем же названием. В предмет истории критики как научной дисциплины входят следующие части: система провозглашаемых критикой в статьях, манифестах и декларациях художественных принципов того или иного литературного направления; фактически складывающаяся художественная поэтика направления, анализируемая и обобщаемая критикой; методология и методика анализа художественных произведений; система понятий и терминов, которыми оперирует критика; ее собственные жанры и стилевые формы (обзоры, статьи, рецензии, пародии) и, наконец, полемика, т. е. активная борьба критики с чуждыми направлениями за свои принципы, за симпатии читателей.

С философией и эстетикой критика связана в области общей теории искусства, методологических предпосылок анализа произведений. Критика имеет более прикладное значение, она — «движущаяся эстетика» (Белинский). Ее задача — оценка текущей современной литературы, формирование вкусов читателей.

Журналистика для критики — русло, в котором фактически протекает почти вся ее история; поскольку критика — неотъемлемая часть или «отдел» всякого общественно-литературного журнала, то нередко их история пишется совместно, как история сдвоенного предмета. Но все же история журналистики — самостоятельная научная дисциплина; ее предмет — история направлений журналов и газет, их структур, средств пропаганды и агитации. Мы, конечно, все время будем иметь дело с журналистикой, ее направлениями, но она для нас имеет подсобное значение.

Публицистика всегда благотворно влияет на критику, своим пафосом усиливая ее воздействие. Но критика не сводима к публицистике, у нее свои обязанности: объяснять программы литературных направлений, анализировать современную художественную литературу и ее связи с жизнью, в полемике отстаивать эстетические принципы.

¹ Белинский В. Г. Собр. соч., т. 5, с. 81.

Литературоведение ретроспективно осмысляет опыт критики. Критика занята оценкой текущей современной литературы, ей принадлежит приоритет в открытиях и приговорах, отсюда неувядающая свежесть ее первых слов... Но как бы ни была проницательна критика, она неизбежно в чем-то ограничена. Литературоведение же изучает прошедшее, оно знает, чем кончилось то или иное явление, оно умудрено опытом истории, а время — лучший из судей.

Итак, история критики имеет свой специфический предмет, свое место в системе научных дисциплин.

Периодизация истории критики в принципе совпадает с литературной периодизацией, которая в пределах XIX века восходит к ленинской периодизации дворянского, разночинно-демократического и пролетарского освободительного движения. Внутри каждого из этих этапов получают исчерпывающее объяснение все перипетии литературной борьбы.

Вводить какую-либо специфическую, дробную периодизацию истории критики вряд ли есть основания, по крайней мере, при теперешнем уровне изученности этого предмета. Но есть и общетеоретические предпосылки не делать этого, так как периодизация истории критики неизбежно приближается к периодизации истории литературы и совпадает с ней, чем длиннее и шире берутся хронологические рамки изучения. Ф. Энгельс в одном из писем последних лет своей жизни указывал на закономерное приближение периодизации даже в столь разных областях, как идеология и материальное производство¹. Тем более, средняя ось развития критики приближается к оси художественной литературы, поскольку эти области родственны и одна является стороной другой, а история критики берется нами на протяжении двух веков.

Литературно-критические системы складывались на основе литературных направлений: классицизма, сентиментализма, «просветительского реализма», романтизма, критического реализма, социалистического реализма. Важно выявить степень программности этих систем по отношению к литературным направлениям. Мы стремимся сосредоточиться на главных направлениях и их программах, по развитию предмета критики проследить основные перевалы в ее истории. При всей важности подробно освещаемых в учебнике критических систем различных направлений самой

¹ Приведем это место из письма Ф. Энгельса к В. Боргиусу от 25 января 1894 г.: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что, чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1966, т. XXXIX, с. 176.).

главной для нас является литературно-критическая система реалистического направления во всех его разновидностях.

При характеристике литературных направлений мы выделяем ведущих критиков-профессионалов, создателей и представителей систем, а всех других рассматриваем как более или менее последовательных сторонников системы. При этом немаловажное значение для характеристик программ направлений имеют суждения писателей о литературе. Конечно, мы старались отобрать из этого наследия только наиболее существенное, то, без чего трудно представить себе историю русской критики. Без различения главных и неглавных проблем мы никогда не выберемся из хаоса бесконечных оттенков мысли, отступлений от систем, полемических извращений истины, не сможем ответить на прямо поставленный вопрос: что же такое критика и литературная программа русского классицизма, русского сентиментализма, русского критического реализма и т. д.?

Нужно с единой точки зрения, в четко осознанных соизмеримых единицах проследить решающие этапы истории русской критики, ее спады и подъемы, развитие ее содержания, методологии, понятий, категорий, жанровых форм, стилей.

При изучении критических систем очень важно не отодвинуть на задний план самих критиков, не затушевывать степень их талантливости. Ведь тут имеется множество индивидуальных оттенков. В этом смысле одно дело, например, полные прозорливости и огня статьи Белинского или Писарева и совсем другое — суховатые статьи Лаврова или Скабичевского. Философская системность мышления критиков — качество великое, но иная системность представляет меньшую ценность по сравнению, например, с лапидарными, словно литыми из чистого золота, мудрыми критическими суждениями художников-практиков Пушкина или Гоголя. Нас интересует не только проблематика критических систем, но и неувыдаемая прелесть отдельных, наиболее важных статей, выдающихся памятников русской критики. При этом мы стараемся не загружать пособие биографическим и текстолого-комментаторским материалом.

До сих пор встречаются большие трудности и неудобства с литературоведческой терминологией. Они особенно ощутимы в курсе по истории критики. Следует иметь в виду, что употребляемая нами терминология во многом условна.

Не всегда терминологические названия литературных направлений соответствуют их сущности. Названия бывают разноприродного характера, заимствованными из соседних областей. Но мы должны стремиться к научной последовательности в их употреблении и в любом названии вскрывать его художественно-методологическую сущность.

Дискуссионным является, например, вошедший в последнее время в употребление применительно к ряду явлений русской литературы второй половины XVIII века термин «просветитель-

ский реализм». Принимая его, приходится соглашаться с несколько расплывчатым определением просветительства и реализма для столь раннего периода русской литературы. Крайне неудачно, вслед за Э. Золя, назвало себя «натурализмом» одно из течений критического реализма в русской литературе 70—90-х годов XIX века, что до сих пор привносит в понимание этого вопроса ассоциации и аналогии с западноевропейским буржуазным натурализмом, действительно враждебным реализму.

«Славянофильство», «народничество» — термины не литературоведческие, они обозначают течения в русской общественной мысли. Но под влиянием славянофильства и народничества существовали и определенные литературные течения, на которые перешли эти названия. Поэтому важно понять, что, например, «славянофилы» в своем творчестве и в критике были консервативными романтиками, а «народники» — одним из течений в критическом реализме 70—90-х годов.

Не можем мы удовлетвориться и таким собственно литературоведческим названием целой группы критиков, как «теоретики чистого искусства», представители «эстетической критики»: на самом деле под этими названиями скрывались весьма тенденциозные критики либерально-примиренческого настроения — «западники», по существу являвшиеся ревизионистами по отношению к реалистической программе Белинского, бывшего для некоторых из них когда-то учителем.

Исчерпывающе ясное в политическом смысле и в методологическом отношении определение «русская марксистская критика» также нуждается в приурочении к литературному движению конца XIX — начала XX века, т. е. к первым симптомам литературы социалистического реализма. Термин «социалистический реализм» возник гораздо позднее (в этом особенность формирования теории социалистического реализма), но та позиция, с которой первые русские марксисты критиковали современную им буржуазную литературу, приветствовали ростки нового в современном им реализме М. Горького и других писателей, уже содержала в себе некоторые теоретические положения и посылки, которые впоследствии легли в основу теории социалистического реализма.

Предлагаемый учебник (второе издание было в 1978 году) является попыткой создания целостного курса по истории русской критики для вузов. Предполагается, что читатель уже хорошо изучил историю русской литературы.

В каждом учебнике может быть свой, только ему присущий ракурс рассмотрения материала. В этом смысле всегда желательно, чтобы по тому или иному предмету было в обращении несколько учебников. В предлагаемом труде, как уже говорилось, есть свой ракурс: мы преимущественное внимание уделяем вопросу программности критики по отношению к «своим» литературным направлениям; нас интересуют прежде всего теоретические зада-

чи, разумеется, в их практически действенном значении, как факт истории критики, оценки произведений и писателей. Если критик пишет даже о чем-то побочном, отвлекается, он делает это ради главной цели: утверждения определенных принципов своего направления. Могут быть, конечно, учебники, в которых главное внимание будет сосредоточено на других сторонах критики, например на полемике, на жанрах, стилях.

Наконец, несколько замечаний о библиографии. В статье «Речь о критике» В. Г. Белинского, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского, в работе «Сорок лет русской критики» А. М. Скабичевского, в «Истории общественной мысли в России» Г. В. Плеханова уже есть отдельные эскизы истории русской критики. Большое значение имеют критические труды В. В. Воровского, А. В. Луначарского. Существует также большое количество монографий об отдельных критиках и журналах: Вал. Полянского, В. Е. Евгеньева-Максимова, А. Г. Деметьева, П. Н. Беркова, А. Лаврецкого и других. Но обих курсов истории критики, на которых можно было бы строить преподавание этого предмета, мы еще не имеем.

В 1897 году вышла «История русской критики» И. И. Иванова. В ней есть отдельные ценные наблюдения, но автор с такой явной антипатией относился к революционным демократам 60-х годов, в особенности к Писареву, что это предопределило дурную тенденциозность всего курса.

В советское время (1929—1931) под редакцией А. В. Луначарского и Вал. Полянского вышли «Очерки по истории русской критики» в двух томах. Большой пользы это издание не принесло. Скучно отобранный фактический материал, не снабженный библиографическими указаниями, в целом был освещен с вульгарно-социологических позиций.

Серьезная разработка истории критики началась после Великой Отечественной войны. В 1950 и 1965 годах в издании Ленинградского университета вышел двухтомный коллективный труд «Очерки по истории русской журналистики и критики». Чрезвычайно богата материалами и научными выводами двухтомная коллективная «История русской критики», изданная Академией наук СССР в 1958 году. Но при всей содержательности этого труда в нем недостаточно четко осмыслен сам предмет критики. Изложение материала ведется без должной целеустремленности, вследствие чего оказались размытыми границы между критикой, литературой и журналистикой. Тем не менее академическая «История русской критики» существенно облегчает изучение предмета, и мы отсылаем к этому капитальному труду всех, кто пожелает подробнее и шире ознакомиться с материалом.

Ценными представляются «Очерки по истории русской литературной критики» (учебное пособие) Б. Ф. Егорова, вышедшие в 1973 году в издании Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, в которых дана характеристика критики 40-х и 50-х годов, а также критического метода Чернышевского.

Для тех читателей, которые пожелали бы самостоятельно продолжить изучение истории критики, в специальных разделах, завершающих каждую из частей, а также в подстрочных примечаниях и ссылках дана по необходимости краткая библиография. Более подробные сведения можно найти в известных библиографических указателях: по литературе XVIII века под редакцией П. Н. Беркова («Наука», 1968), по литературе XIX и XX веков под редакцией К. Д. Муратовой («Наука», 1962 и 1963).

Основные тексты критических статей преподаватель и студент могут найти в хрестоматии по истории русской литературной критики XVIII—XIX веков, составленной нами и вышедшей в свет в 1978 году в издательстве «Просвещение».

Курс строится по программам, утвержденным Министерством высшего и среднего специального образования СССР и Министерством просвещения СССР.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В 30—90-х ГОДАХ XVIII ВЕКА

ГЛАВА I

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Русская литература XVIII века имела много значительных достижений. Ломоносов, Державин, Фонвизин, Карамзин, Радищев переступили рубежи своего века и воспринимались последующими поколениями как важные эстетические явления. Немало заслуг и у других писателей этого времени. Поступательное органическое развитие литературы XVIII века отчетливо выявлялось в закономерной сменяемости ее различных направлений. И все же эта литература — только предварительный этап к той эпохе расцвета русской литературы, который она пережила в XIX столетии. В зачаточном состоянии была и литературная критика XVIII века, ее методы и приемы анализа произведений, ее жанры, стили, понятия и термины. Предмет ее еще только формировался.

Непосредственные предпосылки появления литературной критики, как и литературы в целом, были заложены в великих реформах Петра I, раскрывших богатства русского духа, возможности культурных общений с Западом. Сами реформы были величайшим актом критики всего устаревшего и утверждения зарождавшегося. Совершенно небывалые требования к личности, способностям ума, таланта стала предъявлять эпоха. Зарождающаяся новая русская национальная литература должна была с боем прокладывать себе дорогу.

Крестьянское восстание, или «пугачевщина» 1773—1775 годов потрясла империю Екатерины II, выявила внутренние классовые противоречия в русской жизни, решающим образом определила борьбу идей на литературной арене, их истинную цену; «просвещенный абсолютизм», еще недавно заигрывавший с Вольтером и Дидро, тщеславившийся тем, что провозгласил составление «Нового уложения» и собрал депутатов в 1767 году для его обсуждения, теперь явно обнаружил свое реакционное лицо и стал гонителем передовой мысли, истинной выразительницы народных чаяний.

Определенную печать на все идейное брожение второй половины XVIII века, находившее свое выражение в литературной критике, наложила Американская освободительная война 1775—

1783 годов, шедшая под знаком борьбы за национальную независимость, за конституцию.

Великие идеи века Просвещения, провозглашенные Монтескье, Руссо, энциклопедистами, — свобода, равенство, братство, так или иначе преломлявшиеся в критических диспутах, привели во Франции к революционному взрыву 1789—1794-х годов, и эта Великая буржуазная революция также во многом определила расстановку сил, эволюцию личностей и группировок в русской литературе и литературной критике.

Велика была роль в судьбах русской критики очагов просвещения, в которых формировались первые ее таланты, во многом зависевшие от традиций и новшеств, уклада и уровня преподавания.

Из Заиконоспасского училища вышли Ломоносов и Тредиаковский. Из открытого в Петербурге Шляхетного кадетского корпуса — Сумароков и Херасков. Из Пажеского корпуса, открытого в 1759 году, — основатель русского театра Волков и первый писатель-революционер Радищев. Установки на богословие явно взрывались усилиями первых русских просветителей и литераторов-критиков, преобразователей языка и метрик. Придворно-аристократическая кастовость — поисками крамольных идей. Особенно была велика роль Российской академии наук, открытой по указу Петра I в конце 1725 года, и роль Московского университета, открытого в 1755 году, у колыбели которого стоял Ломоносов. При университете Херасков создал свой литературный кружок, журналы «Полезное увеселение», «Свободные часы», сыгравшие заметную роль в истории литературы и критики.

Подлинным лоном для критики являлась журналистика. Она в России ведет родословную от петровских еще, начавших издаваться с 1702 года, «Ведомостей о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах». Здесь уже заложены идеи будущих «Санкт-петербургских ведомостей», которые издавались затем с 1727 года при Академии, «Московских ведомостей» — с 1726 года. В «Ведомостях» были даны начала и будущему карамзинскому «Вестнику Европы». По-разному оценивали текущую действительность официальные и полуофициальные издания: «Ежемесячные сочинения» от Академии наук (1755—1764) — действительно важный и содержательный журнал; «Всякая всячина», в которой задавала тон сама Екатерина II через подставных лиц, что послужило пищей для едких сатир Новикова в его «Трутне»; «Собеседник любителей российского слова», под дирижерством княгини Дашковой, где, несмотря на участие Фонвизина, Державина, большую роль играла Екатерина II, половину журнала занявшая своими «Записками касательно российской истории», по едкому замечанию Добролюбова, имевшими «вид высокой правды и бескорыстия».

Указ о «вольных типографиях» был уступкой духу времени со стороны Екатерины II. Указ она затем отменила, но он все же успел сыграть положительную роль. Еще с 1759 года Сумароков в своей «Трудолюбивой пчеле» начал формировать живую современную критику с весьма независимым мнением. Появились сатирические журналы, способствовавшие росту критики, ее приемов, жанров, злободневности: «Адская почта» Ф. Эмина, и особенно «Трутень» (1769—1770), «Живописец» (1772—1773) Новикова, прямо вступившие в полемику с Екатериной по вопросам сатиры, гражданского призвания писателя. Эти традиции были продолжены в «Почте духов» (1789), «Зрителе» (1792) Крылова, державшегося независимо и по отношению к господствовавшим литературным направлениям — классицизму и сентиментализму. Он упрекал эти направления в потакании господским вкусам, оглядке на то, что указывают с трона. Подлинную связь между элементами литературной жизни — писатель — журналист — читатель — удалось первоначально наладить Карамзину в его очень живых по содержанию и стилю «Московском журнале» (1791—1792) и «Вестнике Европы» (1802—1803).

Недаром Н. А. Полевой впоследствии называл журналы «сводчиками литературными»¹. И действительно, они сводили вместе критику и литературу, на их страницах критика осуществляла свою главную роль — быть самосознанием направлений, их боевым оружием.

Русская литературная критика началась как классицистическая критика. Но она осваивала и перерабатывала наследие различных эпох: античности, Возрождения, классицизма, Просвещения. Первое, что делает Тредиаковский, — переводит «Эпистолу к Пизонам» Горация, «Искусство поэзии» Буало. Опираясь на Буало, пишет свои «Эпистолы» Сумароков. Изучаются поэтики и критические суждения Лонгина, Попа, Готшеда, Вольтера. При этом впервые осознавались природные нормы русского языка, русской версификации, поэтики, систематизировались изначальные эстетические понятия применительно к опыту зарождавшейся новой русской литературы.

Впервые слово *критик* в русской литературе употребил Кантемир в 1739 году в примечаниях к своей седьмой сатире («О воспитании») в значении «острый судья», «всяк, кто рассуждает наши дела». Кантемир сетовал, что «французы имеют на то речь (слово): critique, которая жаль, что наш язык лишается».

С 1750 года слово *критика* встречается у Тредиаковского уже в русском написании в более отвлеченно-теоретическом и специально-литературном значении («Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю»). Через два года в примечаниях к переводу «Эписто-

¹ Московский телеграф, 1827, № 4, с. 160.

лы к Пизонам» Горация Тредиаковский высказал мнение, что критика должна быть «тонкой, достоверной и рассудительной»; образцом такой критики он считал Аристарха.

В литературных, филологических трудах Ломоносова обозначилась глубокая внутренняя связь критики с рационалистическим классицизмом, на первый план был выдвинут основной принцип этой эстетики — понятие о «высоком», «возвышенном». Была выстроена целая иерархическая система критериев в области риторических правил, классификации содержания и стилей произведений, регламентации в области жанров и даже размеров русского стихосложения, в разработке этики самих критических выступлений.

Классицистический нормативизм, обогащаемый идеями Просвещения, помогал русской литературе наикратчайшим путем осознать свои общенациональные задачи, покончить со сковывающей средневековой схоластикой, клерикализмом в эстетическом мышлении, выйти на простор современной общечеловеческой культуры, в мир строгих «цивилизованных» общественных и художественных представлений. Насаждавшиеся Екатериной II идеи «просвещенного абсолютизма» стремились подчинить этот процесс, несший в себе в конечном счете антифеодальные, демократические начала. Вследствие этого русский классицизм развивался крайне противоречивым путем и специфика его еще далеко не полностью изучена.

Классицистическая критика была программой целого литературного направления на протяжении трех четвертей века. Она пронесла через десятилетия верность исходным принципам Ломоносова и развивалась, споря или соглашаясь с ним, в кругу нескольких основных проблем.

Она последовательно углублялась в разработку проблем русского стихосложения, состава русского литературного языка, трех стилей и трех основных жанров: оды (Ломоносов, Державин), эпопеи (Тредиаковский, Херасков) и драмы (Сумароков, Лукин, Плавильщиков). Сначала в критике утверждалась общепринятая в европейском классицизме нормативность, а затем все больше критика начинала проникаться национальной спецификой, обобщая складывающуюся поэтику русского классицизма, личный опыт писателей. Начинали обрисовываться основные положения концепции истории русской литературы с древнейших времен.

С методологической стороны критика билась между двумя крайностями: с одной стороны — освященные традицией «вечные» правила искусства, с другой — полный произвол личного вкуса. Поэтому в критике были либо слишком частые ссылки на авторитеты, либо увлечение мелочами, стилистическими придирками. Постепенно начинали играть важную роль правила, выводимые из самого творчества (Державин, Херасков, Лукин, Фонвизин). В области своих жанров критика двигалась от трактатов

и риторик к предисловиям и комментариям и, наконец, к статьям. Критическое призвание все больше отделялось от писательского. В критике все больше начинал побеждать сумароковский «средний» стиль, общедоступность, простота.

Классицизм долго был единственным направлением в русской литературе и нападения со стороны не испытывал, потому что его правила по существу имели непреходящее значение и в измененном виде продолжали жить в других направлениях.

Сентиментализм в литературе и в критике обозначился первоначально, так же как и классицизм, в качестве нововведения одного выдающегося лица. Вслед за ломоносовским последовал карамзинский период. Как и в классицизме, здесь критика тесно связалась с литературой. Иногда критика даже опережала литературу (если взять, например, проблему Шекспира у Карамзина).

Бросаются в глаза важные нововведения сентименталистской критики. Карамзин сумел слить критику с журналистикой и придать ей животрепещущий общественный характер. Изменился самый пульс всей литературной жизни. Соединились в живую цепь взаимодействия критик-журналист, читатель и писатель. Критика учила читать и учила писать. Публика приучилась ждать критические отзывы на литературные новинки. В этом смысле Карамзин «заохотил» публику к чтению. Критика стала преимущественно обобщать реальную практику своего литературного направления, а не просто вырабатывать «правила», хотя русские произведения разбирались еще сравнительно редко. Критика, соединяясь с новейшей эстетикой (Баумгартен), становилась наукой. Беря в совокупности все эти моменты, Белинский и назвал Карамзина «основателем» русской критики. Думается, мы должны принять это определение в ограниченном смысле, применительно к нормам XVIII века.

Центральное место в сентименталистской критике заняло изучение проблем индивидуальной, исторической и национальной характерности явлений. Отсюда внимание к личности человека, к «чувствительности», психологизму, отсюда известная демократизация героев, смешение различных стихий жизни, языковых стилей и отчасти жанров (наряду с трагедией и комедией узаконилась драма), выдвижение на первый план емкой по своим возможностям прозы. Критика начинала опираться на новые образцы и авторитеты в мировой литературе — Руссо, Лессинг, Ленц, Ричардсон, Томсон, Шекспир заменили собой Расина, Буало, Мольера, Вольтера. Осознавая себя новатором в области «чувствительного слога» в широчайшем его понимании, Карамзин историю русской литературы рассматривал с точки зрения формирования в ней национальной самобытности (от Бояна-вещего), попутно упрекая своих предшественников-классицистов в неумении художественно изображать русские характеры. В критике стали строже употребляться термины и понятия, разнообразнее

сделались жанры статей и рецензий, объективнее стали сами оценки. Разрыв между правилами и вкусом, образцами и практикой сократился, так как сама критика делалась «наукой вкуса», одной из сторон зарождающегося общественного мнения.

«Просветительский реализм», в отличие от предыдущих направлений, не имел одного своего корифея, главного вождя и организатора. Он был коллективным делом ряда писателей. (Подчеркиваем еще раз всю условность выделения и терминологического обозначения этого направления.)

Каждое из предыдущих направлений всегда обнаруживало со временем такие тенденции в познании действительности, которые начинали колебать его исходные поэтические позиции. В классицизме это выразилось в «склонении» образцов на русские нравы, в сентиментализме — в учении о «характерах». К живой действительности писатели наиболее приближались в области сатиры, социальных обличений. Эта «живопись действительная» в конце концов образовывала в русской литературе некое самостоятельное направление, которое выросло над другими направлениями и даже начинало противостоять им как самое правдивое и плодотворное. Оно оказывалось предтечей критического реализма, хотя таковыми были в более широком смысле также и «чистый» классицизм, и «чистый» сентиментализм.

Большинство деятелей «просветительского реализма» объединяла яркая обличительная тенденция, получившая свое наиболее законченное выражение в творчестве революционно настроенного Радищева.

Классицизм связал зародившуюся русскую литературу с общеевропейскими рационалистическими нормами творчества и разработал исходные правила для художественного изображения действительности. Сентиментализм сблизил литературу с русским обществом, связал критику с журналистикой, поставил проблему характеров в их психологических, исторических, национальных и социальных признаках. Сатирический, или «просветительский» реализм породил литературу с социальным обличительством, с борьбой против крепостничества, выработал понятие о реалистической правдивости как исходном в процессе формирования реалистического метода.

Но все эти открытия еще не были приведены к синтезу, обобщены в едином направлении. Профессиональных критиков еще не существовало, жанровая специфика критических выступлений еще не была устойчивой. У классицистов она представала в назидательных рассуждениях и риториках, у сентименталистов в рамках скоропреходящих статей и рецензий, а у представителей «просветительского реализма» даже еще и не возникал вопрос о декларациях и программных статьях. Тем не менее это «затухание» риторик было прогрессивным явлением, так как выводило критику из плена академических норм на простор живых исканий. Критика «просветительского реализма» приобретала уже

солидную материалистическую основу, накапливала опыт обобщения реальной сатиры, социального обличения.

Литературная жизнь в XVIII веке вовсе не была ключом, и ее нельзя расценивать по нормам эпохи Белинского, Чернышевского или символистов. До середины 50-х годов критика и полемика имели устный и рукописный характер. Журналы были придворными и академическими, и только начиная с «Трудолюбивой пчелы» Сумарокова (1759), а в особенности с новиковских журналов «Трутень» (1769—1770) и «Живописец» (1772—1773), можно говорить о частных и более живых изданиях.

Мы сейчас воспринимаем литературно-критические материалы той эпохи в далекой перспективе, и они нам кажутся расположенными в строгой логической последовательности. На самом же деле они разнокачественные и иногда далеко отстоят друг от друга во времени.

Ломоносовское «Письмо о правилах российского стихотворства», которое может рассматриваться как начало начал русской критики, написано в 1739 году, но официального хода от академии оно не получило, подлинник его затерялся, и оно было опубликовано только в 1778 году. Но к этому моменту классицизм уже входил в кризисную стадию, и мы всю силу воздействия «Письма» на современников должны предположительно возлагать на копии. Во всяком случае, даже Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772), в разделе о Ломоносове, забыл упомянуть о «Письме». Важнейшая статья Ломоносова «Рассуждение об обязанностях журналистов...» (1755), по которой мы строим свои представления об этических правилах тогдашней критики, была написана по латыни и появилась не в России, а в Голландии, и не в оригинале, а во французском переводе. На русском языке она частично увидела свет только в 1865 году... Каноны русской оды были намечены Тредиаковским и Ломоносовым в начале их деятельности, а окончательный вид одическому кодексу придал Державин за несколько лет до своей смерти.

В настоящее время еще окончательно не установились мнения по некоторым очень важным вопросам. Не решено, например, в точности, к какому направлению следует отнести Радищева: Д. Д. Благой относит его к революционному сентиментализму, Г. П. Макогоненко — к «зачинателям реализма», Н. Л. Степанов — к «просветительскому реализму», объединяя Радищева в одну группу с Новиковым, Фонвизиним и Крыловым. Остается еще много неясностей относительно того, что такое вообще русское Просвещение XVIII века.

Медленно совершалось становление критики XVIII века как самостоятельной сферы литературной деятельности. Для Ломоносова вся эта область, включая и поэзию, была «словесными науками», одним из разделов его академических обязанностей. Для Тредиаковского поэзия и отчасти критика — отдохновение,

«утешная и веселая забава», хотя он занимался ими с усердием и даже со «схоластическим педантизмом». Сумароков мнил себя чистым литератором, старался «творить» во всех областях и был уже критиком и журналистом в общепринятом смысле.

Труды Ломоносова лишь условно можно назвать критическими: это трактаты, «Риторика», «Российская грамматика», хотя намечались и чисто критические жанры. Тредиаковский также выступал больше как ученый: написал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов»; рассуждение об одописании, приложение к оде на взятие Гданска; рассуждение об эпопее как предисловие к изданию «Тилемахиды»; статью «Рассуждение о комедии вообще», являющуюся предисловием к переводу «Евнуха» Теренция. Критические статьи в то время еще не оторвались от художественных произведений, они все еще «рассуждение» на тему о целесообразности самого произведения, которое рассматривается автором как «опыт», «попытка». Иногда трудно сказать, что для чего писалось: рассуждение для произведения или произведение для рассуждения (это хорошо подметил еще Г. А. Гукковский). У Кантемира и Сумарокова важны не только сатиры и эпистолы, но и примечания к ним. Русская критика, как и поэзия, тогда была «всем млада и нова».

В полемике было много излишеств. Амбиция, болезненное авторское самолюбие мешали первым критикам стать на позиции независимого, объективного мнения. Критик торопился быть авторецензентом своего произведения, опекуном детища. Засилье иностранцев в академии, меценатство создавали препоны развитию литературы, развращали нравы, писатели чувствовали себя не защищенными от произвола. Почти каждый из них где-нибудь служил и был зависим от «милостивцев». Ломоносов рьяно боролся за свою честь и честь всей русской литературы. Еще далеко было до того, что потом назовется «общественным мнением». Его надо было создавать в стране крепостничества, бесправия и монархического гнета.

И все же зарождение и развитие русской критики в XVIII веке было органическим и глубоко закономерным процессом. Не случайно наблюдается синхронное совпадение событий. Слово *критик* появилось, как мы уже знаем, у Кантемира в 1739 году, и через некоторое время было подхвачено другими и привилось. В этом же году Ломоносов присылает свое письмо о правилах российских стихов и первый образец оды. Всего четырем годами раньше Тредиаковский опубликовал свой «Новый и краткий способ...». В 1743 и 1748 годах создаются две редакции «Риторик» Ломоносова. В 1748 году выходят «Эпистолы» о русском языке и русском стихотворстве Сумарокова. Критика выводится Сумароковым, и в особенности Карамзиным, на журнальную трибуну. Новиков и Крылов связывают ее с сатирой. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» — с гражданскими и политическими мотивами. Появляются также обобщающие труды по кри-